

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-164-170

ОТРАЖЕНИЕ ЛИЧНОСТИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА В ПЕЙЗАЖНОЙ ЛИРИКЕ ПОЭТА

Ян Юньлу

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация.*

Аннотация. Статья посвящена вопросу воззрений Лермонтова на мир человека и мир природы, которые выражаются в его пейзажной лирике. Обобщён материал по рассматриваемой теме, исследуются характеристики трёх основных состояний человека («жизнь», *смерть*, *сон*) и воплощение этих состояний в образах природы в лирике поэта. Автор стремится проследить за проявлением личности Лермонтова в его пейзажной лирике. Выделяются и описываются особенности взаимосвязи мира человека и природы в творчестве М.Ю. Лермонтова.

Ключевые слова: природа, жизнь, смерть, сон, Лермонтов, лирика.

REFLECTION OF M. LERMONTOV'S PERSONALITY IN POET'S NATURE POETRY

Yang Yunlu

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The article is based on Lermontov's views on the human world and the world of nature, which are expressed in his landscape lyric poetry. The article generalizes the material related to the subject, analysis three basic human conditions ("life", "death", "dream") and their embodiment in the images of nature in Lermontov's lyrics. The paper seeks to trace the reflections of Lermontov's personality in the nature poetry. The features of the relationships between the human world and world of nature in Lermontov's poetry are described.

Key words: nature, life, death, dream, Lermontov, lyrics.

В структуре лермонтовского миропонимания выделяются три компонента, представляющие основные состояния человека и конституирующие его художественный мир, – *жизнь*, *смерть* и *сон*. Отмеченная триада неизменно находит отражение в восприятии человеком природы, что, в свою очередь, выражается в его творчестве. В настоящей статье мы обращаемся к изучению художественного воплощения миров человека и природы и их взаимосвязи в пейзажной лирике Лермонтова.

Единство названных миров обусловливает появление в творчестве М.Ю. Лермонтова проблемы смысла жизни, которая традиционно в лермонтоведении рассматривается в связи со страстной жадой бытия и жизнедеятельности поэта¹. Характерно, что уже в ранней лирике мотивы воли, жажды деятельности у поэта сочетаются с описанием бурных состояний природы, волнений её олицетворённых образов и сил, например: «Источник страсти есть во мне/ Великий и чудесный / Песок серебряный на дне, / Поверхность – лик небесный. / Но беспрестанно быстрый ток / Воротит и крутит песок» («Поток», 1830–1831) [8]²; «Под ним струя светлей лазури, / Над ним луч солнца золотой ... / А он, мятежный, просит бури» («Парус», 1832). В.С. Соловьёв ещё в 1901 г. в начале статьи «Лермонтов» высказывает мысль, которую можно перенести на самого поэта: «Человеку естественно хотеть быть больше и лучше, чем он есть в действительности» [14, с. 380], тем самым объясняя тягу Лермонтова к мощным, исполненным жизни природным феноменам. Точно так же Н.Л. Бродский утверждает в 1941 г., что самопознание поэта, «связанное с ... “бореньем дум”, на его высшем подъёме проявлялось в стремлении человека к совершенствованию, к улучшению его моральной природы»

¹ В своих работах этой позиции придерживаются В.Г. Белинский («Стихотворения Лермонтова», 1841), В.Ф. Саводник («Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева», 1911), П.Н. Сакулин («Земля и небо в поэзии Лермонтова», 1914), В.Ф. Асмус («Круг идей Лермонтова», 1941) и др.

² Здесь и далее текст Лермонтова цитируется по: Лермонтов М.Ю. Соч. В 6-ти т. М.-Л.: АН СССР, 1954–1957. Т. 1–2 [8].

[3, с. 23–24]. Лермонтову, обладающему «непримиримым» духом (В.Ф. Асмус [2]), свойственно стремиться к возвышенному, и только в этом случае жизнь для него имеет смысл. Непрерывно действовать и стремиться к совершенству очень важно, хотя и нелегко, – для юного М.Ю. Лермонтова праздная жизнь невозможна. «Что без страданий жизнь поэта? И что без бури океан?» («Я жить хочу! хочу печали ...», 1832). Параллельное изображение миров человека и природы образует у Лермонтова особое лирическое пространство: природа способна воздействовать на душу поэта потому, что чувство природы, по мнению В.Ф. Саводника, «органически связано со всем строем его душевной жизни, со всем складом его характера и мироощущения» [12, с. 87]. И именно этот аспект жизни и творчества поэта позволил И.А. Киселевой утверждать, что «поэтические пейзажи, созданные Лермонтовым, выражают и его внутренний мир, и открывают объективный смысл “тайн природы”» [6, с. 113].

Поэзия Лермонтова наполнена жаждой действия и бытия, однако в то же время поэт помнит о несовершенстве реального мира: звёзды невозможно ясны как «счастье мое», человек «жалкий», люди «бездружные», так как «несовершенства существуют с тех пор, как существует человек» [4, с. 6]. Несмотря на это, природа у Лермонтова – «великая зиждительная сила», ей присуща «божественная гармония» [12, с. 127–129], следовательно, этот разрыв между человеком и природой очевиден и, по словам О.П. Попова, даже «неизбежен», «безусловен» [11, с. 152]. Следует отметить, что чувство разрыва так же

безусловно усиливает трагическую интонацию лирики поэта.

Признавая, что на свете совершенства нет и человек никогда не сможет его достигнуть, Лермонтов в позднем периоде своего творчества («Когда волнуется желтеющая нива ...» (1837), «Из альбома С.Н. Карамзиной» (1841) и «Родина» (1841)) прибегает к описаниям природы, свидетельствующим о более спокойном настроении поэта и его размышлениях о простой жизни: согласно Ю.И. Айхенвальду, Лермонтов «понял и принял жизнь в её земной сущности» [1, с. 98]. В этом плане мы замечаем несогласие между Д.С. Мережковским и Ю.И. Айхенвальдом по вопросу, смирился ли поэт с несовершенством мира в последние годы жизни. Однако Лермонтову был свойственен не пессимизм (точнее сказать, не «пессимизм отчаяния»), а «могущественный протест против всего низменного в жизни» [7, с. 63]. В этом смысле факт отсутствия совершенства не противоречит поискам идеала Лермонтовым. Поэтому до конца жизни поэт не отказывался от прежних убеждений, он не переставал стремиться к идеалу, в соответствии с концепцией В.Ф. Асмуса, для поэта понятие совершенства позитивно, оно воспринимается оптимистически, только как «идея, способная стать действительностью», и постижение жизни для Лермонтова означает «деятельность» [2, с. 87–88]. Вследствие этого после строк «Он не позволил бы искать, / В себе и в мире совершенства, / Когда б нам полного блаженства / Не должно вечно было знать» у поэта в следующей строфе появляются более светлые мысли: «Но чувство есть у нас святое, / Надежда, бог грядущих дней». Разде-

ляет позицию Кропоткина и Асмуса и исследователь С.Г. Семенова, полагая, что переживание несовершенства порождает у Лермонтова не лишь «жазобную ноту», а «жазду бытия» [13, с. 89]. Соответственно, пейзаж в ряде поздних стихотворений отмечен не пессимистическими, а спокойными, гармоничными оттенками.

Если воплощение жизни у Лермонтова постоянно связано с дневными образами природы, то смерть часто ассоциируется с ночными пейзажами. В ночном цикле и в ряде стихотворений, озаглавленных «Смерть» (1830, 1830–1831), «Оставленная пустынь предомной ...» (1830), «Завещание» («Есть место: близ тропы глухой ...», 1831) мы читаем: «не серое, не голубое небо», «мрачные воды», «Высоких лип стал пасмурней навес, / Когда луна взошла среди небес», «Закат горит огнистой полосой» и т. д. Тут опять появляется параллельное изображение мира природы и человека. И притом, когда поэт размышляет о смерти, из-за «горечи личных испытаний и обид», его пейзажи всегда «окрашены субъективным тоном» [12, с. 134].

В вышеупомянутых стихотворениях Лермонтова смерть связывается, прежде всего, не с заурядным страхом, а с боязнью потерять нечто бесценное, что для поэта является не жизнью, а «бессмертным» бытием. Согласно В.Ф. Асмусу, Лермонтов боится лишиться возможности стать «плодотворным и живым в результатах своего творческого труда» [2, с. 97]. Иными словами, для него «концом света» оказывается «развоплощение личности, отрыв души от тела» [13, с. 57]. Косвенным подтверждением этого положения могут служить строки из

стихотворения «Выхожу один я на дорогу ...» (1841): «Чтоб в груди дремали жизни силы, / Чтоб дыша вздымалась тихо грудь», – представляющие идеал жизни для поэта. Всё живое постоянно рождается и увядает, но плоды творчества могут жить в веках. По сравнению с бренной жизнью, красота человеческой души и ума, выраженная в творчестве, намного ближе к вечности. Именно такие значимые, достойные плоды своего творчества Лермонтов желал бы оставить после себя в мире. И следует заметить, что наряду с этим он уже предчувствовал возможность своего вечного бытия, – «Никто не чувствовал так ясно, что смерти нет» [9, с. 47]. Поэт осознаёт мощь своей духовности: «Ужели также вдохновенье / Умрёт невозвратно с ним? / ... / Нет, нет, – мой дух бессмертен силой, / Мой гений веки пролетит / И эти ветви над могилой / Певца-страдальца освятит».

Таким образом, смерть не пугает Лермонтова, и в 1837 г. поэт пишет, что «я без страха жду довременный конец» («Не смейся над моей пророческой тоской ...», 1837). В связи с этим исследователь С.В. Шувалов замечает, что смерть для поэта является «лишь переходом к другому бытию» [16, с. 139], возле которого ветви дерева освятит гений или тёмный дуб будет вечно зеленеть, склоняться и шуметь.

Наряду с отмеченными состояниями «жизни» и «смерти» в структуре миропонимания Лермонтова присутствует ещё мир сна, одной из особенностей изображения которого является реалистичность. Например, в стихотворениях «Сон» («Я видел сон: прохладный гаснул день ...», 1830–1831), «11 июля» (1830–1831), «Видение» (1831), «Сон» («В полдневный

жар в долине Дагестана ...», 1841) и др., поэт настолько достоверно описывает сновидения, что граница между реальной жизнью и сном как будто стирается. Но в конечном итоге для Лермонтова сон остался отделённым от жизни, и мы определяем его скорее как «третье состояние существования человека», в соответствии с концепцией Г.В. Москвина [10, с. 87]. В этом состоянии, согласно мировоззрению Лермонтова, сон смешивается не только с реальной жизнью, но и со смертью. К этой группе стихотворений относятся лирические произведения «Ночь I» (1830), «Ночь II» (1830), «Смерть» («Ласкаемый цветущими мечтами ...», 1830–1831) и «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана ...», 1841). И наконец, в стихотворении «Выхожу один я на дорогу ...» (1841) пересекаются все эти три состояния: «Но не тем холодным сном могилы ... / Я б желал навеки так заснуть, / Чтоб в груди дремали жизни силы, / Чтоб дыша вздымалась тихо грудь; / Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея, / Про любовь мне сладкий голос пел». В этом особом сочетании состояний человека также участвует природа: «Надо мной чтоб, вечно зелёная, / Тёмный дуб склонялся и шумел». Природа своим образом участвует и отвечает поэту. К.Н. Григорьян так характеризует взаимодействие между природой и человеком: «Природа порождает в впечатлительной, высоко восприимчивой натуре поэта неизъяснимые эмоции, тончайшие душевные движения, которые не легко выразить при помощи слов, придать им более или менее осязаемые, определённые очертания» [5, с. 204].

Перед тем как мы перейдём к обсуждению вопроса об отношении

между человеком и природой в состоянии *сна*, интересно привести одну древнюю аллегория, упомянутую в произведении китайского философа Чжуан-Цзы: «Однажды я, Чжуан Чжоу, увидел себя во сне бабочкой – счастливой бабочкой, которая порхала среди цветков в своё удовольствие и вовсе не знала, что она – Чжуан Чжоу. Внезапно я проснулся и увидел, что я – Чжуан Чжоу. И я не знал, то ли я Чжуан Чжоу, которому приснилось, что он – бабочка, то ли бабочка, которой приснилось, что она – Чжуан Чжоу» [15, с. 73].

Чрезвычайно важным моментом в этой аллории является закон отождествления: двум субъектам («бабочка» и «я») одновременно снится один и тот же сон. Граница между ними исчезает, бабочка и философ легко превращаются друг в друга. По такому же закону, согласно концепции И.Р. Эйгеса в 1914 г., был устроен метафизический мир сна в поэзии Лермонтова: в стихотворении «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана ...», 1841), которое известно нам как «сновидение в кубе» (по В.С. Соловьёву), описывается «тождество субъектов всех трёх сновидений»; в стихотворении «Утёс» (1841) поэт «видит себя тучкой, видит себя утёсом», тучка и утёс отождествлены «в едином акте созерцания в душе творца их как субъекте сновиде-

ния, отождествляются и между собой»; в стихотворении «Русалка» (1832) в «сновидческий» образ русалки таким же образом превращаются «игры волны, озарённой луной» [17, с. 513–515, 523]. Следовательно, у Лермонтова в мире сна образы *человека и человека, природы и природы, человека и природы* всегда отождествляются и перетекают друг в друга.

В результате анализа концептов *жизни, смерти и сна* как основных состояний человека и мира природы в контексте поэзии Лермонтова можно сделать следующие выводы: мир природы мыслится как самостоятельный, отдельный от мира человека, однако между ними существует параллелизм, состояния человека и природа переключаются друг с другом. В художественном творчестве поэта бытие человека (то есть жизнь, смерть и сон человека) взаимодействует с природой. Помимо того, природа приобретает уникальное значение в сновидениях, описанных в лирике Лермонтова. В состоянии сна природа и человек отделены друг от друга, но граница между ними отсутствует – душа поэта и душа природы отождествляются, и лишь природа способна так чётко выразить душевные чувства поэта, которые порой трудно описать словами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айхенвальд Ю.И. Лермонтов // Силуэты русских писателей. Выпуск 1. 5-е исп. изд. М.: Мир, 1917. С. 82–100.
2. Асмус В.Ф. Круг идей Лермонтова // Литературное наследство. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1941. Т. 43/44. Кн. I. С. 83–128.
3. Бродский Н.Л. Философские основы поэзии Лермонтова // Литература в школе. 1941. № 4. С. 23–32.
4. Гершензон М.О. Видение поэта. М.: 2-я Тип.–Лит. МГСНХ, 1919. 80 с.
5. Григорьян К.Н. Лермонтов и романтизм. М.–Л.: Наука, 1964. 300 с.
6. Киселева И.А. «Тайны природы» в художественном мире М.Ю. Лермонтова // Рус-

- ский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: сборник научных трудов. М.: ИИУ МГОУ, 2015. С. 109–114.
7. Крпоткин П.А. Идеалы и действительность в русской литературе / единств. изд., разреш. для России автором, пересм. и доп. им / пер. с англ. В. Батурина под ред. автора. СПб.: Знание, 1907. 367 с.
 8. Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 6-ти томах. Т. 1. Стихотворения 1828–1831. Т. 2. Стихотворения 1832–1841. М.–Л.: Академия Наук СССР, 1954–1957.
 9. Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества. СПб.: Пантеон, 1909. 88 с.
 10. Москвин Г.В. Концепты «Смерть», «Сон», «Любовь» в лирике М.Ю. Лермонтова // Лермонтовские чтения – 2009. СПб: Лики России, 2010. С. 84–89.
 11. Попов О.П. «С природой одною он жизнью дышал ...» // Русь. 1996. № 5. С. 151–158.
 12. Саводник В.Ф. Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М.: С.П. Яковлев, 1911. 211 с.
 13. Семенова С.Г. Преодоление трагедии: «Вечные вопросы» в литературе. М.: Советский писатель, 1989. 440 с.
 14. Соловьёв В.С. Лермонтов // Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 379–398.
 15. Чжуан-цзы. Ле-цзы / пер. с кит., вступ. ст. и примеч. В.В. Малявина. М.: Мысль, 1995. С. 59–286.
 16. Шувалов С.В. Религия Лермонтова // Венок М.Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. М.; Пг.: Издательство товарищества «В.В. Думнов, наследники братьев Салаевых», 1914. С. 135–164.
 17. Эйгес И.Р. О Лермонтове (К метафизике сновидения) // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. Антология. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2013. Т.1. С. 512–534.

REFERENCES

1. Aikhenval'd Yu.I. [Lermontov]. In: *Siluety russkikh pisatelei* [Silhouettes of Russian writers]. Moscow, Mir Publ., 1917. Iss. 1. pp. 82–100.
2. Asmus V.F. [Lermontov's range of ideas]. In: *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1941. Vol. 43/44. no. 1, pp. 83–128.
3. Brodskii N.L. [Philosophical foundations of Lermontov]. In: *Literatura v shkole* [Literature at school], 1941, no. 4, pp. 23–32.
4. Gershenzon M.O. *Videnie poeta* [The vision of a poet]. Moscow, 2nd Type.–Lit. MSNH Publ., 1919. 80 p.
5. Grigor'yan K.N. *Lermontov i romantizm* [Lermontov and romanticism]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. 300 p.
6. Kiseleva I.A. [“Secrets of nature” in the art world of M. Lermontov]. In: *Russkii yazyk v slavyanskoj mezhkul'turnoi kommunikatsii: istoriya i sovremennost': sbornik nauchnykh trudov* [Russian language in the Slavic intercultural communication: history and modernity: collection of scientific papers]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2015. pp. 109–114.
7. Kropotkin P.A. *Idealy i deistvitel'nost' v russkoi literature* [Ideals and reality in the Russian literature]. St. Petersburg, Znanie Publ., 1907. 367 p.
8. Lermontov M.Yu. *Sochineniya: v 6-ti tomakh*. Т. 1. *Stikhotvoreniya 1828–1831*. Т. 2. *Stikhotvoreniya 1832–1841* [Works: in 6 volumes. Vol. 1. Poems 1828–1831. Vol. 2. Poems 1832–1841]. Moscow, Leningrad, Akademiya Nauk SSSR Publ., 1954–1957.

9. Merezhkovskii D.S. *M. Yu. Lermontov. Poet sverkhchelovechestva* [M. Lermontov. The poet of superhumanity]. St. Petersburg, Panteon Publ., 1909. 88 p.
10. Moskvina G.V. [The concepts of “Death”, “Dream”, “Love” in the lyrics of M. Lermontov]. In: *Lermontovskie chteniya – 2009* [Lermontov readings – 2009]. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2010. pp. 84–89.
11. Popov O.P. [“With nature alone he breathed the life...”] In: *Rus’* [Rus], 1996, no. 5, pp. 151–158.
12. Savodnik V.F. *Chuvstvo prirody v poezii Pushkina, Lermontova i Tyutcheva* [The feeling of nature in the poetry of Pushkin, Lermontov and Tyutchev]. Moscow, S.P. Yakovlev Publ., 1911. 211 p.
13. Semenova S.G. *Preodolenie tragedii: “Vechnye voprosy” v literature* [Overcoming tragedy: “Eternal questions” in the literature]. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1989. 440 p.
14. Solov’ev V.S. [Lermontov]. In: *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of art and literary criticism]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991. pp. 379–398.
15. Chzhuan-tzu. *Le-tszy* [Le-Tzu] Moscow, Mys’ Publ., 1995. pp. 59–286.
16. Shuvalov S.V. [Religion of Lermontov]. In: *Venok M.Yu. Lermontovu: Yubileinyi sbornik* [Wreath for M. Lermontov: Anniversary collection]. Moscow, Petrograd, Izdatel’stvo tovarishchestva “V. Dumnov, the heirs of the Salaev brothers”, 1914. pp. 135–164.
17. Eiges I.R. [On Lermontov (To the metaphysics of the dreaming)]. In: *M. Yu. Lermontov: pro et contra. Antologiya* [Lermontov: pro et contra. Anthology]. St. Petersburg, Publishing house of Russian Christian Academy for the Humanities, 2013. Vol. 1, pp. 512–534.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ян Юньлу – аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: lyubayyl@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yang Yunlu – postgraduate student at the Department of the History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: lyubayyl@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ян Юньлу. Отражение личности М.Ю. Лермонтова в пейзажной лирике поэта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 164-170
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-164-170

FOR CITATION

Yang Yunlu. Reflection of M. Lermontov’s personality in poet’s nature poetry. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*. 2018, no. 2, pp. 164-170
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-164-170